Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
General Theory | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525

The Subject: Challenges of the Digital

Elena O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. Moscow, Russia. Email: iph[at]etrufanova.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-2215-1040

Received: 10 June 2024 | Revised: 11 July 2024 | Accepted: 17 July 2024

Abstract

The article deals with the problem of the influence of digitalization processes on the concept of a subject. The purpose of the study is to analyze this influence and substantiate the possibility of preserving the category of the subject in the philosophical understanding of the present world and human being. It is shown that the expansion of human activity into the digital environment creates a situation in which the possibility of the existence of a subject as an integrity is questioned, since human activity is distributed across two environments — physical and digital. Several key problematic points are considered that make it necessary to clarify understanding of the subject in the modern world — these are the "disembodied" subject in the digital environment, the "decentralization" of the subject (i.e., the distribution of his activities in two different environments) and the alienation of information about the subject and messages belonging to it in the digital environment. It is revealed that at the heart of all these three problems, in one way or another, there is a gap between the bodily being of a person and its manifestations in the digital world, and it is demonstrated that the "incorporeality" of the subject in the digital world is illusory. It shows how a number of authors begin to use the concept of a "digital subject" to solve the above-mentioned problems and concludes that the use of such a term is possible only as a metaphor, since it hints at the existence of a certain separate entity in the digital world, whereas the subject cannot be considered in complete isolation from the physical environment. It is concluded that the distribution of human activity in the physical and digital environment is not the reason for the rejection of the concept of the subject. It is shown that the modern understanding of the subject is possible with a combination of approaches of body-oriented cognition and narrative approach, where the first is associated with the embodied being of the subject in the physical environment, and the second not only reflects the being of the subject in the digital environment, but also serves as a link between the digital and physical aspects of the subject. The combination of these two approaches allows us to preserve the idea of the integrity of the subject.

Keywords

Subject; Digitalization; Digital Subject; Embodiment; Embodied Cognition; Narrative; Extended Cognition; Integrity of the Subject

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
Общетеоретические вопросы | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525

Субъект: вызовы цифровизации

Труфанова Елена Олеговна

Институт философии РАН. Москва, Россия. Email: iph[at]etrufanova.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-2215-1040

Рукопись получена: 10 июня 2024 | Пересмотрена: 11 июля 2024 | Принята: 17 июля 2024

Аннотация

В статье рассматривается проблема влияния процессов цифровизации на понятие субъекта. Целью исследования является анализ этого влияния и обоснование возможности сохранения категории субъекта в философском осмыслении современного мира и бытия человека в нем. Показывается, что расширение жизнедеятельности человека в цифровую среду создает ситуацию, в которой возможность существования субъекта как целостности ставится под сомнение, поскольку деятельность человека распределяется по двум средам — физической и цифровой. Рассматриваются несколько ключевых проблемных моментов, которые заставляют уточнять понимание субъекта в современном мире — это «бестелесность» субъекта в цифровой среде, «децентрация» субъекта (т.е. распределение его деятельности в двух различных средах) и отчуждение информации о субъекте и принадлежащих ему сообщений в цифровой среде. Выявляется, что в основе всех этих трех проблем в той или иной мере стоит разрыв между телесным бытием человека и его проявлениями в цифровом мире, и демонстрируется, что «бестелесность» субъекта в цифровом мире иллюзорна. Показывается, как для решения вышеупомянутых проблем ряд авторов начинает использовать понятие «цифрового субъекта», и делается вывод, что использование такого термина возможно лишь в качестве метафоры, поскольку оно намекает на существование некой отдельной сущности в цифровом мире, тогда как субъект не может рассматриваться в полном отрыве от физической среды. Делается вывод, что распределение деятельности человека по физической и цифровой средам не должно вести к отказу от понятия субъекта. Показано, что современное понимание субъекта возможно при сочетании подходов телесно-ориентированного познания и нарративного подхода, где первый связан с воплощенным бытием субъекта в физической среде, а второй не только отражает бытие субъекта в цифровой среде, но и служит связующим звеном между цифровыми и физическими аспектами субъекта. Сочетание этих двух подходов позволяет сохранить представление о целостности субъекта.

Ключевые слова

субъект; цифровизация; цифровой субъект; телесность; воплощенное познание; нарратив; расширенное познание; целостность субъекта

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Понятие субъекта в философии в последнее столетие подвергается серьезной критике. Эта критика направлена в первую очередь на то понимание субъекта, которое сформулировано в классической европейской философии и представляет субъекта как центр сознания и источник познавательной деятельности. Первый критический пересмотр этих представлений был осуществлен в рамках европейской традиции еще в начале XX в., в работах Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра и др., и был связан с попыткой учесть телесную и социальную природу субъекта. Фундаментальной причиной, породившей волну новой критики, является усложнение социального мира, связанное с тем, что набирают силу альтернативные представления о реальности, предложенные социальными группами, ранее не участвовавшими на равноправных основаниях в академическом диалоге — неевропейскими культурами, женщинами и т. д. (Деблассио, 2010). Получив право голоса, новые участники диалога, выступая со своей критикой европоцентричной философии, попытались предложить различные варианты пересмотра представлений о субъекте, вплоть до отказа от этого понятия (Труфанова, 2017). Эта критика заставила искать новые подходы к проблеме субъекта, которые могут решить возникшие вопросы, без отказа от идеи субъектности. В конце XX-начале XXI в. возникает новая необходимость его уточнения, связанная с внедрением цифровых технологий во все сферы человеческой жизни.

Оставив в стороне те элементы критики, которые инспирированы политико-правовой борьбой, можно отметить, что основные ее аспекты касались проблем телесности субъекта и вопроса о возможности говорить о целостности и постоянстве субъекта. Именно в рамках этой критики понятие идентичность начинает часто подменять собой понятие субъекта, что вносит путаницу между дискуссиями о проблеме личностной идентичности как сложной структуры субъекта и проблеме тождества личности в том виде, в котором она обсуждается в рамках аналитической философии. По сути эти же проблемы в новом виде возвращаются и в связи с пониманием субъекта в контексте развития новых цифровых коммуникационных технологий.

В фокусе моего интереса в рамках данной статьи находится прежде всего эпистемологический субъект — не в классическом нововременном понимании субъекта как обезличенного источника познания, но во всей совокупности тех факторов, которые влияют на познавательную деятельность человека — телесных, психических, социокультурных. Все они подвергаются изменениям под воздействием процессов цифровизации.

Центральной проблемой, связанной с цифровизацией, является распределенность субъекта и его деятельности по двум разным средам взаимодействия. Одна из них — это физическая среда, в которой субъекты обладают телами, получающими непосредственный опыт от объектов окружающего их

физического мира и непосредственного взаимодействия с другими субъектами: это среда, события в которой разворачиваются в режиме «офлайн». Вторая — цифровая среда — это среда, в которой осуществляются цифровые взаимодействия в формате «онлайн». Поскольку современный мир отличается взаимопроникновеним этих сред, ряд авторов говорит о возникновении особой — гибридной — среды, сочетающей элементы цифрового и физического (Василенко & Мещерякова, 2023).

Субъект сам по себе является частью физической среды, но способен выступать в качестве агента не только в физической, но и в цифровой среде. Известный отечественный эпистемолог В.А. Лекторский, давая определение субъекта, пишет, что

> «для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми» (2001, с. 660).

Отталкиваясь от этого определения, можно выделить несколько проблемных моментов, которые заставляют иначе взглянуть на понимание субъекта в современной ситуации. Во-первых, это «бестелесность» субъекта в цифровой среде. Во-вторых, это «децентрация» субъекта, распределение его деятельности в двух различных средах. В-третьих, это отчуждение информации о субъекте и принадлежащих ему сообщений в цифровой среде, которое осуществляется как с согласия (явного или по незнанию) субъекта, так и против его воли.

Как представляется, именно проблема «бестелесности» субъекта в цифровой среде, т. е. изменения роли тела в цифровых взаимодействиях, является предпосылкой к возникновению последующих двух проблем, и ее следует рассматривать в первую очередь.

«Бестелесность» субъекта в цифровом мире

Цифровые коммуникации делают возможной деятельность субъекта как бы в «отрыве» от собственного тела, в «бестелесной» форме. Цифровой аватар, цифровой субъект, цифровая идентичность (как только не называют ту сущность, которая репрезентирует человека в цифровом мире) лишены той конкретности и однозначности, которые связаны с телесным присутствием человека в коммуникации. Тело традиционно противопоставлялось человеческому духу: дух свободен и не знает пределов, но он заперт в теле, которое ограничивает его и предопределяет его возможности взаимодействия с объектами физического мира. Тело стареет, болеет и умирает, потому именно тело становится источником множества различных экзистенциальных переживаний. В то же время, тело — это то, как видят меня другие люди, что предопределяет мое положение в обществе. Однако те телесные характеристики (биологический пол, цвет кожи, разрез глаз, наличие или отсутствие

увечий или «уродств»), которые оказывают прямое влияние на то, как меня воспринимают другие в процессе коммуникации в физическом мире, исчезают, когда мы находимся в пространстве цифровой коммуникации. В цифровом пространстве человек, спрятанный за цифровым аватаром, существует не как тело, а как набор символов, что предохраняет его от возможной дискриминации или предрассудков, связанных с его телесным образом, и даже позволяет быть «не собой», выступать в цифровых коммуникациях в иных образах, отличающихся от него самого (особенностям визуальной саморепрезентации в сети посвящено множество работ (Орех & Сергеева, 2015) и др.). Часто эти виртуальные трансформации выступают как эскапизм, бегство от однообразия или невзгод окружающей действительности в воображаемый мир. Таким образом, тело — это ограничение, но вместе с тем — стабильность и постоянство, тогда как цифровой образ размыт, изменчив, он может быть фрагментарным и/или множественным.

Но в то же время субъект не может утратить связь с телом, поскольку мой телесный опыт и мой телесный образ влияют на то, кто я есть. Во-первых, как отмечает В. А. Лекторский, рассуждая о гипотетической возможности «переноса» сознания как набора информационных кодов из мозга человека на другой носитель,

> «если считать человеческую личность массивом информации, то нужно иметь в виду, что важнейшей частью этой информации является представление человека о самом себе – то, что называется «образом Я» (или «Я-концепцией»). А в этот образ входит представление о собственном теле. Конечно, тело каждого человека меняется – стареет, подвергается увечьям, возможно даже, что некоторые его части заменяются протезами. Но в любом случае представление о собственном теле и о непрерывном ряде его изменений – неотъемлемая часть «образа Я». Ведь именно с этим телом, которое находилось в те или иные моменты времени в том или ином месте и с помощью которого человек вступал в контакты с другими, связана его жизнь, его автобиографическая память, являющаяся основой индивидуальной идентичности» (2021, с. 27–28).

Во-вторых, нельзя не отметить, что погружение в цифровые взаимодействия ведет к гиподинамии и сопутствующими ей проблемами со здоровьем, которые в дальнейшем отразятся не только на существовании в физической реальности, но и на существовании в реальности цифровой (Лешкевич, 2022). Таким образом, полная независимость человека от тела в цифровых коммуникациях является мнимой. Я, репрезентируя себя в цифровом мире, сохраняю те особенности влияния моего тела на мою личность, которые мне присущи, и не могу полностью их отбросить, даже если я заставлю моего цифрового собеседника поверить, что я выгляжу как-то иначе. Субъект существует в единстве телесного и психического.

Однако есть и другая проблема, связанная с исключением фактора тела из цифровых коммуникаций – «бестелесность» Другого. Не наблюдая в ходе цифровой коммуникации тела Другого, не имея возможности ни классифици-

ровать телесный облик оппонента как «своего» или «чужого», ни определить его социальный статус и сравнить его со своим, ни «прочитать» его «язык тела», чтобы уточнить его эмоциональное состояние и намерения, человек оказывается в ситуации тотальной неопределенности. Он имеет дело только с сообщением, но затрудняется определить, кто стоит за этим сообщением. А с учетом бурного развития в последние годы систем генеративного искусственного интеллекта (первая версия ChatGPT была выпущена в конце 2022 г., с тех пор несколько раз обновлялась и породила немало дискуссий как в философском сообществе, так и в обществе в целом), я даже не всегда могу быть уверена в том, что имею дело с другим живым человеком, а не программой. В этих обстоятельствах мой цифровой собеседник не вызывает у меня доверия, а, следовательно, в определенной ситуации я отказываю ему и в должном уровне уважения, поскольку в отсутствии телесного со-присутствия я не способна убедиться в его «человечности». Интерсубъективное переживание в цифровом мире оказывается под вопросом.

Об отсутствии телесного со-присутствия как факторе, снижающем уважение к жизни Другого, писал Эрих Фромм. Он отмечал, что военные летчики, сбрасывая бомбы с самолета, не осознавали, что таким образом участвуют в убийстве тысяч людей — точнее сказать, рациональное осознание присутствовало, но летчики не были эмоционально вовлечены в ситуацию, поскольку они и жертвы бомбардировок находились вдали друг от друга (2017). Тот же эффект сопровождает и цифровые коммуникации — там, где нет телесного со-присутствия, нет и сопереживания, цифровой Другой не представляется полноправным субъектом, аналогичным мне, равно как и для Другого я не представляюсь таковым. Так, человек не имеет возможности эмпатически отнестись к Другому, когда тот находится за пределами его поля восприятия; следовательно, учащаются ситуации непонимания в коммуникации, люди становятся более склонными к проявлению грубости и агрессии, связанными с недоверием цифровому Другому, невозможностью определить его социальный статус, его эмоциональные реакции, и в целом с ощущением “нереальности” происходящего. Современные технологии пытаются частично решать эту проблему — с помощью онлайн-видеосвязи или различных платформ в рамках т. н. Метавселенной для взаимодействия с помощью виртуальных тел, требующих использования VR-технологий. Но, судя по всему, эти решения неудовлетворительны, по крайней мере на данном этапе технологического развития. Так, во время онлайн-видеосвязи отсутствует прямой контакт «глаза-в-глаза», что, как показывают когнитивные исследования, снижает доверие и повышает проблемы с взаимопониманием (Величковский, 2017). Виртуальные тела в Метаверсе создают ощущение участия в компьютерной игре, в то время как в физической среде тело человека обременено необходимостью использовать VR-шлем и перчатки, и данное непосредственное телесное переживание (тактильные ощущения от взаимодействия с этими

устройствами) может доминировать над переживанием цифровых интеракций виртуального тела.

Таким образом, проблемы, возникающие как следствие цифровой «бестелесности» субъекта, показывают, насколько иллюзорными являются представления об оторванности от тела в цифровых взаимодействиях. Осознание и принятие себя как телесного субъекта, признание телесных субъектов в других являются важным основанием для преодоления этих проблем.

«Децентрация» субъекта

Проблема «децентрации» субъекта отмечается многими авторами, исследующими цифровое бытие человека. Так, к примеру, российская исследовательница, работающая в области цифровой антропологии, Р. В. Пеннер, обозначает ее как проблему цифровой дифракции (2023) и справедливо указывает, что уже Р. Барт рассматривал современного человека как «разделенного субъекта», не дожидаясь появления «цифры». Проблема «децентрации» субъекта во многом вытекает из первой рассмотренной мной проблемы. Если в доцифровую эпоху субъект проявлял себя как агент в физической среде, то сейчас его агентность распределена по физической и цифровой средам, что создает эффект децентрации. Я уже немного коснулась этого вопроса ранее, говоря о проблеме «бестелесности». Из-за того, что значимые для субъекта действия совершаются в обоих средах, рождается ощущение утраты единого центра этих действий, как будто действия в цифровом пространстве выходят из-под прямого контроля их автора.

Действительно, телесный субъект живет и действует в реальном мире, но, когда он выходит в цифровой мир, его действия определенным образом отчуждаются от его тела. Да, за действиями в Сети все еще стоит физический индивид, который нажимает клавиши на клавиатуре, но события, происходящие в Сети, происходят в иной среде, нежели та, в которой сам субъект находится в данный момент. Возникает ситуация «телеприсутствия» субъекта, т. е. присутствия на расстоянии. Это влечет изменения в возложении ответственности на субъекта за те или иные действия: к примеру, я могу, не выходя из своего дома, нажать кнопку, которая вызовет определенное событие в реальном мире. Если раньше, для того чтобы определить мою ответственность за данное событие, нужно было убедиться, что я физически отсутствовала на месте событий (на этом строились юридические алиби) (Труфанова, 2021b), то теперь требуется уже новое, «цифровое» алиби, которое будет указывать на невозможность осуществления конкретного цифрового действия. Теперь как никогда актуальным становится высказанный М. М. Бахтиным принцип «не-алиби в бытии», который говорит о том, что мы не можем не быть ответственными за свои поступки, что мы не можем быть в стороне («алиби» дословно означает «где-то в другом месте») от собственного бытия (Бахтин, 2003). Только если во времена Бахтина мое бытие привязывало меня к опреде-

ленной точке в пространстве, то сейчас эта позиция становится более размытой, поскольку я «нахожусь» в нескольких местах одновременно. К примеру, в разгар пандемии для многих стала привычной ситуация, в которой, находясь дома, человек мог участвовать не в одном, а в нескольких онлайн-мероприятиях одновременно. Если бы эти мероприятия проходили «офлайн», то приходилось бы выбирать между их посещением, но в ситуации, когда мероприятия были равнозначимыми и не требовали непосредственного физического присутствия, возникали и такие казусы. В итоге, многие могли отметить, что период удаленной работы во время карантина стал периодом не коммуникативного голода от невозможности встретиться с другими людьми, а коммуникативных перегрузок — из-за увеличения числа онлайн-коммуникаций, поскольку участие в них не требовало затраты времени, физических сил и средств на дорогу до места проведения мероприятия. В связи с сопровождавшими эти процессы различными техническими сложностями (плохая Интернет-связь, сбои в работе онлайн-платформ и т. д.), а также отсутствием адаптации к цифровому формату коммуникации (который не является калькой обычной коммуникации в физическом мире), повышалась утомляемость от процесса и снижалось общее качество коммуникации.

Сложность возникает также с диспропорциональностью между физической и цифровой средой: действия субъекта в физической среде могут иметь значительно меньшее влияние на окружающий мир (по крайней мере — на социальный мир), чем его действия в цифровой среде, поскольку цифровое действие почти всегда публично, а следовательно — влечет за собой социальный эффект. И в то же время, в цифровой среде человек совершает действия с меньшей осторожностью, поскольку сигналы об опасности ему подает его тело, реагируя на окружающую среду, однако в цифровой среде этого не происходит, поскольку эта среда является искусственной, и наше тело не погружено в нее непосредственным образом. Так, без направляющих их деятельность сигналов, получаемых из окружающей среды, люди вынуждены действовать, опираясь только на символически-опосредованные данные — в первую очередь, на текстовые сообщения, из которых им приходится извлекать всю необходимую для принятия решений информацию. В итоге более обоснованные решения люди принимают, действуя в физической среде, но менее обоснованные решения в условиях ограниченной информации, которые люди принимают в цифровой среде, могут иметь больший масштаб и более серьезные последствия, поскольку они осуществляются в публичном пространстве. Единственное, что сглаживает это противоречие — возможность отложенного принятия решения в цифровой среде. Если в физической среде от человека часто требуется мгновенная реакция, то, к примеру, при ответе на реплику в Сети он может взять паузу, обдумать свои слова, поискать дополнительную информацию и т.д.

Таким образом, можно предположить, что центром принятия ответственных решений остается то место, где находится тело человека, и чем больше абстрагированы от этого центра его действия, тем больше ошибок в них он допускает. Поэтому, хотя единый центр решений сохраняется, некоторые действия кажутся оторванными от него и привязанными к другому «центру» или «центрам», которые репрезентируют человека в цифровых отношениях — его профилям в соцсетях и т. д. Это обстоятельство заставляет ряд авторов писать о существовании «цифрового субъекта», к чему я обращусь чуть позже в этой статье.

Цифровое отчуждение

Наконец, в цифровых взаимодействиях происходит отчуждение зафиксированной цифровым образом информации о субъекте, и эти данные начинают жить своей независимой жизнью в цифровом мире. Часть информации отчуждается добровольно и осознанно, люди сами сообщают ее о себе, но часть попадает в цифровые архивы либо через третьи руки недобросовестным путем, либо человек передает ее Сети неосознанно, не предполагая, что ее будут собирать и хранить. Например, когда я набираю что-то в поисковой строке, я полагаю, что это не относится к информации о моей личности, но тем не менее из совокупности моих поисковых запросов с помощью цифровых алгоритмов создается определенный мой цифровой профиль, который не только подстраивает цифровую среду под мои интересы, но и создает эффект «эпистемического пузыря» (Nguyen, 2020), а так же аккумулирует и сохраняет информацию обо мне, которой я совершенно не обязательно хотела бы делиться с другими.

Одним из сопутствующих процессов является отчуждение памяти: влияние цифровизации приводит к «овнешнению» памяти и ее хранению в цифровых архивах. Сам процесс использования внешних ресурсов для подкрепления естественной памяти далеко не нов — он появляется практически одновременно с появлением человеческой культуры, но с развитием цифровых технологий он приобретает принципиально иные масштабы (Лекторский, 2020). В иные эпохи я могла доверить свои воспоминания личному дневнику, и если бы некий злоумышленник выкрал бы его у меня, он мог бы получить доступ к моим личным тайнам. Сейчас множество моих действий, совершаемых как в цифровом пространстве так и за его пределами, фиксируется без моего на то желания или ведома — не только мои сообщения в сети, но и банковские транзакции, перемещения в пространстве, медицинские анализы, и т. д.— вся эта информация принадлежит не только мне, она фиксируется в цифре и хранится на внешних серверах, к которым могут иметь доступ совершенно разные люди и организации. Спустя годы цифровые алгоритмы могут доставать из цифровых архивов и предъявлять мне, к примеру, фотографии 10-летней давности, хранящиеся в моем цифровом

«облаке», которые напоминают о событиях, о которых я иначе вполне могла бы никогда и не вспомнить. Моя цифровая память становится, с одной стороны, уязвимой с точки зрения потенциальной открытости для посторонних глаз, а с другой — навязчивой, напоминающей мне к месту и не к месту о событиях, которые, возможно, я хотела бы забыть, или же которые просто не имеют для меня значения.

Помимо проблемы с уязвимостью приватности моей памяти, здесь возникает также проблема информационной перегрузки: если естественная память неявным образом производит «сортировку» моих воспоминаний, сохраняя наиболее важные для моей текущей деятельности и отодвигая на второй план неважные, то цифровая память не обладает способностью расставлять подобные приоритеты, и когда я обращаюсь к ней, мне нужно самой пробираться через сохраненные «большие данные» в поисках нужной мне информации.

Одновременно с этим наличие цифровой памяти заставляет человека иначе использовать ресурсы естественной памяти (например, не нужно самостоятельно запоминать номера телефонов, даты дней рождения друзей и т. д. – все это «подскажут» цифровые устройства), наличие доступа к цифровым ресурсам превращает необходимость «зубрить наизусть» какую-то информацию в излишнюю (или все же нет?) трату времени и сил, что в свою очередь требует серьезной реформы в подходе к образованию, поскольку нужно определиться — являются ли привычные человеку способы запоминания новой информации, основанные на заучивании наизусть, необходимым навыком, или их можно рассматривать как пережиток прошлого и бессмысленную трату когнитивных усилий?

Используя для своего удобства те возможности, которые предлагают цифровые технологии, человек идет на определенный компромисс относительно сохранности границ своей частной жизни (Труфанова, 2021а). В этом, вероятно, играет свою роль то, что коммуникацию с техническим устройством человек оценивает иначе, чем коммуникацию с Другим «лицом-к-лицу». Как люди раньше доверяли свои мысли бумаге, ведя дневник или же направляя письмо конкретному адресату, так и сейчас человек видит в компьютере бездушный предмет, который не может выдать его тайн или воспользоваться ими. Однако подобное чувство безопасности иллюзорно: воспринимая компьютер как объект, я забываю, что он связан с другими такими же объектами, рядом с которыми в свою очередь находятся другие субъекты, которым может стать доступным любое мое сообщение. Главное достоинство «всемирной паутины» — способность связывать пользователей всего мира в мгновенные цепочки взаимных коммуникаций, — является и главной ее опасностью: «все тайное становится явным», все частное становится публичным.

Совершающееся цифровое отчуждение делает закрытую часть жизни человека потенциально открытой, а следовательно — доступной для социальной оценки и реакции. Эта реакция в свою очередь заставляет человека меняться и действовать иным образом, чем он бы, вероятно, действовал, если бы информация оставалась приватной. Человек находится в ситуации постоянного социального надзора и должен быть готов адаптироваться, когда те или иные его цифровые действия или информация о нем становятся общественным достоянием. Как следствие, он до определенной степени утрачивает контроль над своими проявлениями в Сети, и не всегда готов чувствовать себя ответственным за те или иные из них: к примеру, когда сообщение, предназначенное для закрытой группы пользователей, становится достоянием общественности. Иногда это давление ответственности, связанное с предельной открытостью, становится для человека невыносимым настолько, что он либо делает свои аккаунты в социальных сетях полностью недоступными для любых внешних пользователей, либо вовсе уничтожает их, а спустя какое-то время, зачастую, заводит новые, словно начиная жизнь с чистого листа, подобно тому как раньше человек мог после каких-то неурядиц у себя дома переехать в другой город и начать новую жизнь среди других людей. Однако в Сети это сделать сложнее, поскольку пользователь не способен полностью контролировать, где и сколько хранятся данные о нем, и, уничтожая свой аккаунт, он не знает, сохранились ли где-то еще его копии и может ли он предотвратить их появление в публичном пространстве. Человеческая память ограничена, но цифровые следы практически вечны, поэтому от этой ответственности оказывается невозможно убежать. В подобных обстоятельствах, как справедливо отмечает известный отечественный философ Г. Л. Тульчинский,

> «речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе — ответственности не только за транслируемый контент, не только за последствия его трансляции, но и, прежде всего, за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово — вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль» (2023, с. 81).

При этом, указывает Тульчинский, важную роль играет самоконтроль участников коммуникации: задача проверки достоверности сведений, фильтрации многочисленных информационных потоков, да и в принципе задача контроля своего высказывания лежит не только на соответствующих социальных институциях и технологических механизмах контроля, но и прежде всего — на самом человеке. Таким образом, роль субъекта в цифровых отношениях только возрастает.

Понятие «цифрового субъекта»

Описанные выше проблемы ставят под сомнение возможность сохранения классических представлений о субъекте, прежде всего, о его целостности и о возможности возложения на него ответственности за свои действия. Одна из попыток осмыслить вызванные цифровизацией изменения связана с формулировкой понятия «цифровой субъект» (digital subject), которое должно учитывать эти проблемы и определенным образом их решать. Это понятие в философской и научной литературе в последние десятилетия широко используется, причем понимается оно разными авторами весьма по-разному (Пеннер, Осипова, 2022). От постулирования возникновения нового человеческого вида «человека цифрового» (Дыдров, Невелева, Тихонова & Труфанова, 2022) или homo digitalis (Abat Ninet, 2019) (кто первым ввел это понятие, мне проследить не удалось, но оно возникает в философских текстах где-то в 2010-х гг.) до обсуждения цифрового субъекта как ответственного лица за действия в Сети в правовых или политических аспектах. От рассуждений о цифровых идентичностях (Лисенкова, 2020; Пеннер, 2023) до представлений о цифровых двойниках, а также о нечеловеческих цифровых субъектах, т. е. таких агентах, осуществляющих деятельность в цифровом пространстве, за которыми не стоит живой человек (различные компьютерные программы и алгоритмы, нейросети и т. д.). Известный итальянский философ Лучано Флориди, который считается одним из основателей претендующей на самостоятельную дисциплину философии информации, вводит понятие «инфорг» («информационный организм») для обозначения людей, существующих в информационном пространстве (инфосфере) (Floridi, 1999) (термин впервые используется Флориди в 1999 г., когда понятие «цифрового» еще не обрело современную популярность). Исследовательница цифровых медиа Ольга Горюнова (Goriunova, 2019) предлагает рассматривать цифровой субъект как определенную конструкцию, которая создается на основе множества цифровых данных — профиля в соцсети, поисковых запросов, цифровых счетов, биометрических данных, зафиксированных в цифре, и т. д. При этом, согласно Горюновой, цифровой субъект это и не сам человек, и не его репрезентация в цифровом пространстве, а нечто промежуточное: цифровой субъект не редуцируется к стоящему за ним человеку, и даже может не иметь за собой никакого человека вовсе. И тем более, утверждает она, цифровые субъекты не могут соответствовать уровню организованности и целостности, которые свойственны классическому субъекту философии модерна. Однако тогда возникает вопрос: зачем использовать понятие «субъект» для обозначения того феномена, который не содержит специфических для субъекта характеристик?

Называя субъектами системы искусственного интеллекта, нейросети и прочих нечеловеческих агентов, исследователи опять же неправомерно расширительно трактуют понятие субъекта. Подобные системы могут осуще-

ствлять в цифровом пространстве (а иногда и за его пределами) деятельность, которая может до определенной степени имитировать деятельность субъекта — например, вступать со мной в диалог, который производит впечатление осмысленного. Но не стоит забывать о том, что одной из важных составляющих того, что значит быть субъектом, является существование субъективной реальности у меня в голове, уникального субъективного опыта переживания мира. Опуская многочисленные дискуссии об этом вопросе в сфере философии сознания, отметим только, что на данном этапе развития технологий можно с уверенностью предположить отсутствие субъективной реальности у искусственных интеллектуальных систем, и следовательно, неправомерность их отнесения к понятию «субъект». Конечно, часто использование понятия «субъект» для обозначения таких агентов является метафоричным (таково оно, на мой взгляд, и у Горюновой), и тем не менее, мне кажется, эта метафора вносит путаницу подобной той путанице, которую вносят такие термины как «искусственный интеллект», где слово «интеллект» будто бы предполагает некий аналог человеческого разума, или «цифровой двойник», где слово «двойник» намекает на существование какой-то мистической теневой сущности.

Таким образом, понятие «цифровой субъект» у разных авторов может либо обозначать какую-то особую сущность или отдельный предмет исследования в рамках изучения цифрового пространства (чаще всего подразумевается цифровой профиль), либо просто указывать на тот спектр проблем, с которыми субъект сталкивается в цифровом мире. Цифровой субъект может также обозначать собой различных агентов в цифровой среде, и в этом случае это понятие используется расширительно или метафорично. Мне представляется, что тот «пучок репрезентаций» (по аналогии с «пучком ощущений» у Юма) в цифровом мире, который наблюдается в цифровой деятельности человека, стоило бы называть квазисубъектом, во избежание приписывания ему свойств субъектности по аналогии наименования. Говорить о субъекте мы можем только при наличии всех его характеристик: т. е. субъект — это прежде всего живой человек, обладающий телом, сознанием, свободной волей и осознанием ответственности за свои действия. При этом его деятельность разворачивается как в физическом, так и цифровом пространстве, и нет необходимости разделять эту деятельность — она исходит от одного агента.

Специалисты в области цифровой антропологии А. А. Дыдров и Р. В. Пеннер верно отмечают, что цифровые профили человека

> «не могут быть однозначно оценены: с одной стороны, в категориях индивидуализма, это явления порядка “self”, с другой, – независимое, автономное существование digital self. В последнем случае оно не определяется конкретным референтом, но распределяется между агентами и функциями, включая алгоритмы” (2024, с. 44).

Но при этом, как представляется, их вывод о будущем категории субъекта излишне пессимистичен:

> «Человек в контексте датификации и – шире – интернетизации всех социальных сфер уже не может маркироваться исключительно категорией субъекта. «Субъект» превращается в идеалию отступающего под натиском алгоритмов и данных традиционного антропоцентрического мира» (Там же, с. 45).

В другой своей статье Р.В. Пеннер пишет, что

> «В цифровую эпоху под вопрос попадает идея субъектности... Место концепта «субъект» с конца XX в. занимают альтернативные социальные конструкты, в том числе социальные актанты (АСТ), в принципе не обладающие антропологической или социальной природой» (2024, с. 100).

На эти высказывания хочется возразить. Понятие субъекта, как я говорила выше, уже не раз в ходе истории своего существования уточнялось и дополнялось, и сейчас нет причин говорить об утрате его значимости; напротив — мне представляется, что искомая устойчивость человека в современном нестабильном мире требует сохранения этого понятия как одного из центральных. Перечисляемые различными авторами угрозы понятию субъекта вполне реальны, и человек, действительно, может столкнуться с утратой контроля над разными своими проявлениями, что может стать причиной серьезного антропологического кризиса. Именно поэтому, на мой взгляд, нужно не спешить в очередной раз постулировать «смерть субъекта» (на протяжение XX века он «умирал» уже несколько раз), а искать способы, чтобы субъект продолжал жить.

Если же говорить о понятии «цифрового субъекта», то, как мне видится, любое употребление этого понятия будет метафоричным, и во избежание лишней путаницы лучше избегать его использования, по крайней мере в тех случаях, когда мы обсуждаем философскую проблему субъекта. Мы говорим в первую очередь не о «цифровом субъекте», а о человеческом субъекте в условиях цифровизации.

Заключение. Как субъект может продолжить существовать?

Необходимо прояснить, что, говоря о продолжающемся существовании субъекта и утверждая необходимость его существования, я говорю и о понятии субъекта, и о референте этого понятия. Этот референт, разумеется, не является некоей самостоятельной сущностью, но подразумевает сложную систему феноменов, которую мы обозначаем данным понятием. Эта система может изменяться и дополняться, сохраняя при этом свои основные свойства, а именно: обозначать живое существо, которое является целесообразно действующим агентом, обладает сознанием и самосознанием, волей, субъективной реальностью и способностью принимать ответственность за свои

действия. Как пишет В. А. Лекторский, «Субъект существует только в единстве Я, межчеловеческих (межсубъектных) взаимоотношений и познавательной и реальной активности» (2001, с. 660). Расширение человеческой активности в нефизическую среду (например, цифровую) не противоречит этому пониманию.

Итак, утверждая необходимость существования понятия субъекта, тем не менее, невозможно игнорировать происходящие изменения, и возникает вопрос, как подходить к этому понятию с учетом перечисленных выше сложностей? В моем рассмотрении можно выделить две узловых темы — тему телесности и тему коммуникации. Именно коммуникативные взаимодействия подвергаются наибольшим изменениям в контексте развития цифровизации, так что очевидно, что эта тема оказывается в центре внимания. В связи с беспрецедентно возрастающей благодаря цифровым технологиям коммуникационной активностью современного человека возникает соблазн рассматривать коммуникацию как высшее и самодостаточное проявление человеческой сущности, как будто человек может быть редуцирован до тех текстов, которые он производит и которыми он обменивается в Сети. Однако я попыталась показать, что такое понимание неверно и что это понимание отрицательно сказывается на качестве самой коммуникации.

Таким образом, я полагаю, что для исследования субъекта в современной цифровой перспективе равнозначно важными являются два подхода — подходы воплощенного познания (т. н. 4-e cognition – embodied, embedded, enactive и extended, т. е. воплощенное, встроенное, инактивированное и расширенное познание) (Shapiro & Shannon, 2024) и нарративный подход. Подходы воплощенного сознания демонстрируют, как в когнитивной деятельности человека задействован не только его разум или мозг, но все тело, поэтому ни о какой отдельной от тела субъектности речи быть не может. Входящая в «4-е» концепция расширенного познания (extended cognition) (Clark & Chalmers, 1998) может применяться для описания способов взаимодействия человека с отчужденной от него цифровой памятью и в принципе с расширением деятельности человека в цифровой мир, как когнитивной, так и социальной. Она успешно описывает существование человека в т. н. «гибридной» среде.

С другой стороны, в цифровом пространстве мне в полной мере видится основание для применения нарративного подхода, поскольку высказывания в цифровой среде неизбежно превращаются в форму нарратива, пусть и не всегда целостного и последовательного. Как пишет Г. Л. Тульчинский,

> «ключевую роль в социализации, формировании и развитии сознания играет такая вроде бы обыденная для гуманитариев практика, как наррация — рассказывание связных осмысленных историй с выделением персонажей, играющих роли в этих историях. Такие истории выступают основой смыслопорождения, формулировками осмысленных представлений о происходящем и действительности» (2021, с. 305).

Субъект в цифровом мире, действительно, прежде всего проявляет себя как нарративный субъект, рассказчик. Лучано Флориди называет информационно-коммуникационные технологии «самыми мощными Я-технологиями, с которыми нам приходилось сталкиваться» (Floridi, 2014, p.59). В современном мире наши нарративные навыки и то, как мы пользуемся ими в цифровой среде, не только участвуют в конструировании и реконструировании нашей личностной идентичности (именно это Флориди и подразумевает под «Я-технологией»), но и являются главным «интерфейсом», с помощью которого осуществляется наша деятельность в обеих средах. Существование распределенного и расширенного субъекта возможно именно благодаря нашей нарративной способности.

В то время как большинство современных работ преимущественно сосредоточено на обсуждении «цифрового субъекта» или отдельных особенностей существования субъекта в цифровой среде, моей целью в данном исследовании было, во-первых, выявить ключевые проблемы, с которыми субъект сталкивается в цифровых взаимодействиях («бестелесность», «децентрация», цифровое отчуждение) и которые ставят под сомнение возможность сохранения его целостности; и во-вторых, показать, что искомая целостность может сохраняться при совместном использовании двух подходов — телесно-ориентированного, который связан в первую очередь с бытием субъекта в физической среде, и нарративного, который не только отражает бытие субъекта в цифровой среде, но и является своеобразным «мостом», соединяющим физические и цифровые аспекты субъекта. Оба эти подхода достаточно широко развиваются в современной философии, однако я подчеркиваю необходимость их сочетания в современном подходе к проблеме субъекта.

Обосновано, что существование отдельных, оторванных от реального физического субъекта, цифровой идентичности или цифрового субъекта является иллюзией или ошибкой наименования. Деятельность субъекта в цифровом пространстве является в определенном смысле продолжением Я-нарратива, сформировавшегося в физической среде. Однако, в связи с беспрецедентным уровнем публичности этих цифровых нарративов, требуется как высокий уровень самоконтроля субъекта над своими цифровыми действиями, так и усиление защитных мер социального и технологического характера, нацеленных на охрану частной жизни человека, на то, чтобы отчужденные от него личные данные не становились без его согласия и ведома достоянием общественности.

Подобные ситуации во многом связаны с тем разрывом, который образуется между воплощенным телесным субъектом и его цифровым «воплощением» – это определенного рода когнитивное искажение, в ходе которого, при наблюдении только цифровых проявлений, другой человек в Сети воспринимается как «персонаж» цифрового мира, а не как реальная личность. Если перефразировать кантовский императив, который говорил о том,

что к человеку нужно относиться как к цели, а не как к средству, то нужно сказать, что к человеку в цифровом мире мы должны относиться как к человеку, а не как к условному «цифровому субъекту». Невозможно проводить границу между нарративами человека и его физическим бытием, поскольку это равнозначимые части одной и той же системы, и нельзя ни одну из них игнорировать или принижать ее значение. Человеческий субъект выступает как обладающее телом существо, живущее в физической среде, взаимодействующее с другими существами непосредственным физическим, а также различными опосредованными (в том числе — цифровыми технологиями) способами. Благодаря телесности субъект сохраняет свою целостность и постоянство во времени и пространстве, благодаря способности создания нарративов — целостность и постоянство своей личностной идентичности, включающей в том числе множественные коммуникативные взаимодействия с другими людьми как в физической, так и в цифровой средах.

Таким образом, я считаю возможным заключить, что существование субъекта в контексте цифровизации возможно и необходимо, а его понимание возможно только при сочетании телесно-ориентированного и нарративного подходов.

Список литературы

Abat Ninet, A. (2019). Protecting the “Homo Digitalis.” *Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research*, 9, 153–170. https://doi.org/10.7146/nnjlsr.v1i9.122156

Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19. https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7

Floridi, L. (1999). *Philosophy and Computing. An Introduction.* Routledge.

Floridi, L. (2014). *The 4th revolution. How the infosphere is reshaping human reality.* Oxford University Press.

Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture & Society*, 36(6), 125–145. https://doi.org/10.1177/0263276419840409

Nguyen, C. T. (2020). Echo Chambers and Epistemic Bubbles. *Episteme*, 17(2), 141–161. https://doi.org/10.1017/epi.2018.32

Shapiro, L., & Spaulding, S. (2024). Embodied Cognition. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2024). Metaphysics Research Lab, Stanford University. https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/embodied-cognition/

Бахтин, М. М. (2003). К философии поступка. В М. М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 томах: Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов* (сс. 7–68). Русские словари: Языки славянской культуры.

Василенко, Л. А., & Мещерякова, Н. Н. (2023). Гибридность цифрового общества: Инновационная реальность или утопия? *Философия науки и техники*, 28(1), 48–65. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65

Величковский, Б. М. (2017). От исследований сознания к разработке когнитивных технологий. В *Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук* (сс. 37–57). Аквилон.

Деблассио, А. (2010). Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях. *Эпистемология и философия науки*, 23(1), 160–172. https://doi.org/10.5840/eps201023117

Дыдров, А. А., Невелева, В. С., Тихонова, С. В., & Труфанова, Е. О. (2022). Человек в цифровую эпоху. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*, 4, 102–122. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-4-102-122

Дыдров, А. А., & Пеннер, Р. В. (2024). Манифест цифровой антропологии. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 17–51. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.466

Лекторский, В. А. (2001). Субъект. В *Новая философская энциклопедия* (сс. 659–660). Наука.

Лекторский, В. А. (2020). Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации. *Электронный научно-образовательный журнал История*, 11(9). https://doi.org/10.18254/S207987840012305-4

Лекторский, В. А. (2021). Глобальная цифровизация как экзистенциальный вызов. В *Человек в глобальном мире: Риски и перспективы* (сс. 20–31). КАНОН+.

Лешкевич, Т. Г. (2022). Метафоры цифровой эры и Black Box Problem. *Философия науки и техники*, 27(1), 34–48. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-34-48

Лисенкова, А. А. (2020). Трансформация идентичности в цифровую эпоху. *Вопросы философии*, 3, 65–74. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-65-74

Орех, Е. А., & Сергеева, О. В. (2015). Цифровое лицо и цифровое тело: Новые явления в визуальном контенте социальных сетей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2, 137–145.

Пеннер, Р. В. (2023). Ab offline in online et retro offline: Социально-философская интерпретация цифровой идентичности. *Цифровой учёный: лаборатория философа*, 6(1), 6–15.

Пеннер, Р. В. (2024). Цифровая идентичность: Теория и методология. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 48(2), 98–113.

Труфанова, Е. О. (2017). Я как реальность и как конструкция. *Вопросы философии*, 8, 100–112.

Труфанова, Е. О. (2021a). Приватное и публичное в цифровом пространстве: Размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(1), 14–38. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130

Труфанова, Е. О. (2021b). Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3, 370–375. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-370-375

Тульчинский, Г. Л. (2021). Homo digitalis и самосоздание: Трансформация, вызовы и запрос на уникальную самость. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3, 302–311. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

Тульчинский, Г. Л. (2023). Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях. *Человек*, 34(3), 73. https://doi.org/10.31857/S023620070026106-3

Фромм, Э. (2017). *Анатомия человеческой деструктивности*. АСТ.

References

Abat Ninet, A. (2019). Protecting the "Homo Digitalis." *Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research*, 9, 153–170. https://doi.org/10.7146/nnjlsr.v1i9.122156

Bakhtin, M. M. (2003). Toward a philosophy of the act. In M. M. Bakhtin, *Collected Works in 7 Vols. 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s* (pp. 7-68). Russian Dictionaries: Languages of Slavic Culture. (In Russian).

Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. *Analysis*, 58(1), 7–19. https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7

Deblasio, A. (2010). New trends in alternative epistemologies. *Epistemology & Philosophy of Science*, 23(1), 160–172. https://doi.org/10.5840/eps201023117 (In Russian).

Didrov, A. A., Neveleva, V. S., Tikhonova, S. V., & Trufanova, E. O. (2022). A Person in the Digital Age. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 4, 102–122. https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-4-102-122 (In Russian).

Dydrov, A. A., & Penner, R. V. (2024). Digital Anthropology Manifesto. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(2), 17–51. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.466

Floridi, L. (1999). *Philosophy and Computing. An Introduction.* Routledge.

Floridi, L. (2014). *The 4th revolution. How the infosphere is reshaping human reality.* Oxford University Press.

Fromm, E. (2017). *The Anatomy of Human Destructiveness.* AST Publ. (In Russian).

Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture & Society*, 36(6), 125–145. https://doi.org/10.1177/0263276419840409

Lektorsky, V. (2020). Transformation of Individual and Collective Memory in the Context of Digitalization. *Istoriya*, 11(9). https://doi.org/10.18254/S207987840012305-4 (In Russian).

Lektorsky, V. A. (2001). Subject. In *New encyclopedia of philosophy* (pp. 659-660). Nauka Publ.. (In Russian).

Lektorsky, V. A. (2021). Global digitalization as an existential challenge. In *Man in the global world: Risks and prospects* (pp. 20-31). KANON+ Publ. (In Russian).

Leshkevich, T. G. (2022). Metaphors of the digital age and the Black Box Problem. *Philosophy of Science and Technology*, 27(1), 34–48. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-34-48 (In Russian).

Lisenkova, A. A. (2020). Transformation of Identity in the Digital Age. *Voprosy Filosofii*, 3, 65–74. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-65-74 (In Russian).

Nguyen, C. T. (2020). Echo Chambers and Epistemic Bubbles. *Episteme*, 17(2), 141–161. https://doi.org/10.1017/epi.2018.32

Orekh, E. A., & Sergeeva, O. V. (2015). Digital Face and Digital Body: New Phenomena in the Visual Content of Social Networks. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2, 137–145. (In Russian).

Penner, R. V. (2023). Ab offline in online et retro offline: Socio-philosophical interpretation of digital identity. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6(1), 6–15. (In Russian).

Penner, R. V. (2024). Digital Identity: Theory and Methodology. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 48(2), 98–113. (In Russian).

Shapiro, L., & Spaulding, S. (2024). Embodied Cognition. In E. N. Zalta & U. Nodelman (Eds.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2024). Metaphysics Research Lab, Stanford University. https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/embodied-cognition/

Trufanova, E. O. (2017). The Self as Reality and as Construction. *Voprosi filosofii*, 8, 100–112. (In Russian).

Trufanova, E. O. (2021). Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(1), 14–38. https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130 (In Russian).

Trufanova, E. O. (2021b). Human in the digital world: "distributed" and integral. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Filosofia Psikhologiya Sotsiologiya*, 3, 370–375. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-370-375 (In Russian).

Tulchinskii, G. L. (2021). Homo digitalis and self-awareness: transformation, challenges and request a personological unique self. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Filosofia Psikhologiya Sotsiologiya*, 3, 302–311. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-302-311 (In Russian).

Tulchinskii, G. L. (2023). Meaning, Subjectness and Responsibilityin Digital Communications. *Chelovek*, 34(3), 73. https://doi.org/10.31857/S023620070026106-3 (In Russian).

Vasilenko, L. A., & Mescheryakova, N. N. (2023). Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Filosofija nauki i tehniki / Philosophy of Science and Technology*, 28(1), 48–65. https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65 (In Russian).

Velichkovsky, B. M. (2017). From consciousness research to the development of cognitive technologies. In *Subjective world in the context of challenges of modern cognitive sciences* (pp. 37-57). Akvilon Publ. (In Russian).